

Пленарное заседание

ЛИТЕРАТУРА

1. Wengeroff Pauline. Memoiren einer Grossmutter. Bilder aus der Kulturgeschichte der Uden Russlands im 19 Jahrhundert. Band 1–2. – Berlin, 1908–1910.
2. Венгерова, П. Воспоминания: Мир еврейской женщины в России XIX века/перевод с англ. Э. Венгеровой; послесловие Г. Зелениной. – Иерусалим; М.: Мосты культуры, 2003. – 350 с.
3. Венгерова, П. Воспоминания: Мир еврейской женщины в России XIX века/перевод с англ. Л. Высоцкого и И. Нахмансона; послесловие Б. Купермана. – СПб.: Академический проект, 2005. – 272 с.
4. Венгерова, Зинаида. Автобиографическая справка//Русская литература XX века: 1890–1910. Под ред. проф. С.А. Венгерова. Т. I. Кн. 2. [Синтетический модернизм и богоискательство. Начало XX века]. – М.: Изд. Т-ва «Мир», 1914. – С. 135–138.
5. Михайлов, М.Л. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе//Современник. – 1860. – № 4. – С. 473–499; № 5. – С. 89–106; № 8. – С. 335–350.
6. Михайлов, М.Л. Джон Стюарт Милль об эмансипации женщин//Современник. – 1860. № 11. – С. 221–250.
7. Михайлов, М.Л. Женщины в университете//Современник. – 1861. – № 4. – С. 499–507.
8. Михайлов, М.Л. Уважение к женщинам//Современник. – 1866. – № 2. – С. 275–319; № 3. – С. 92–129.
9. Венгерова, З.А. – Балаховской-Пети С.Г. Лондон, 30.01.1891 г./Neginsky R. Письма Зинаиды Афанасьевны Венгеровой к Софье Григорьевне Балаховской-Пети//Revue des études slaves. – Tome 67, fascicule 1, 1995. – С. 212.
10. Венгерова, З.А. – Балаховской-Пети С.Г. Лондон, 18.07.1894 г./Neginsky R. Письма Зинаиды Афанасьевны Венгеровой к Софье Григорьевне Балаховской-Пети//Revue des études slaves. – Tome 67, fascicule 1, 1995. – С. 229.
11. З.В. [Венгерова З.А.] Джон Китс и его поэзия: (Из истории английской литературы)//Вестник Европы. – 1889. – Кн. 10. – С. 539–573; Кн. 11. – С. 62–88.
12. Венгерова, З.А. Новые течения в английском искусстве//Вестник Европы. – 1895. – Кн. 5. – С. 192–235.
13. Венгерова, З.А. Джордж Мередит: Критический очерк//Вестник Европы. – 1895. – Кн. 7. – С. 155–176.
14. Венгерова, З.А. Новая Утопия (Вильям Морис и его последняя книга)//Северный вестник. – 1893. – № 7. – С. 249–256.
15. Венгерова, З. Вильям Морис, певец «земного рая»//Северный вестник. – 1896. – № 11. – С. 155–163.
16. Венгерова, Зин. Родоначальник английского символизма//Северный вестник. – 1896. – № 9. – С. 81–99.
17. Венгерова, З.А. Джон Рёскин, 1819–1900 гг./Вестник Европы. – 1900. – Кн. 6. – С. 674–692.
18. Венгерова, З.А. Литературные характеристики: Кн. [1]–3. – СПб: Типо-лит. А.Э. Винеке, 1897–1910.
19. История западной литературы (1800–1910): В 4 т./ од ред. проф. Ф.Д. Батюшкова. – М.: Тов-во «Мир», 1912–1917.
20. Венгерова, З.А. [Предисловие] Конец всему делу венец/Шекспир В. Полное собрание сочинений/Библиотека великих писателей под ред. С.А. Венгерова. Т. 1–5. – СПб: Брокгауз-Ефрон, 1903. – Т. 2. – С. 248–253.
21. Венгерова, З.А. Собрание сочинений. Т. 1. Английские писатели XIX века. – СПб: Кн-во «Прометей» Н.Н. Михайлова, 1913. – 191 с.
22. Левинсон, А. [Рецензия]: З.А. Венгерова. Собрание сочинений. Т. I. Английские писатели XIX века//Современный мир. – 1913. – № 2. – С. 145.
23. Базант, Анни. Исповедь//Северный вестник. – 1895. – № 1. – С. 215–241; № 2. – С. 229–247; № 3. – С. 222–262; № 4. – С. 209–238.
24. Венгерова, З. Предисловие: Анни Базант. Исповедь//Северный вестник. – 1895. – № 1. – С. 218.
25. Wengueroff Zinaïda. La femme russe//Revue Mondiale. – 1897. – Septembre. – P. 489–499.
26. Венгерова, З. Феминизм и женская свобода//Образование. – 1898. – № 5–6. – С. 73–90.
27. Нежинская, Р. Венгерова Зинаида Афанасьевна//Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь/Под ред. В.В. Шелохаева. – М.: РОССПЭН, 1997. – С. 203–205.

М.Д. Путрова

ПЕРЕСПРОС В СВОБОДНОМ ГОВОРЕНИИ. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Формально переспрос является одной из разновидностей повтора, широко распространенного явления в вербальном поведении человека. В последнее время лингвисты уделяют ему (повтору) весьма пристальное внимание. Можно даже считать пройденным тот период, когда повторы, переспросы в том числе, интерпретировались как помехи, дисфлуэнтные вставки, заполнители молчания и т.п. и из записей подлинного общения исключались, а в случаях их особой частотности могли быть отброшены и сами записи как не отвечающие неким стандартам правильного говорения. В настоящее время уже понятно, что повторы представляют собой неотъемлемую часть говорения, языка как деятельности, требующую тщательного изучения, прежде всего адекватной классификации и рассмотрения каждой конкретной разновидности в отдельности.

Переспрос, по нашему разумению, как раз и является такой разновидностью, отличающейся от других повторов своей четко очерченной иллокутивностью и выполняющей совсем другие функции в развитии диалога, чем, например, повтор-интенсификация, повтор-обдумывание, повтор-регистрация,

Пленарное заседание

повтор-пауза-передышка, повтор-планирование. По нашим наблюдениям, повтор-переспрос манифестируется тогда, когда возникает необходимость уточнения услышанного, когда собеседнику требуется убедиться в правильности воспринятого сигнала – слова, словосочетания, фразы.

По своей сути переспрос представляет собой речевое действие, единицу языка как деятельности, и уточнение услышанного есть не что иное, как дистинктивная иллокуция или цель, лежащая в основе данного речевого действия, отличающая его не только от других разновидностей повтора, но и идентифицирующая его среди всего разнообразия конструируемых говорящими личностями речевых действий.

Изучение литературы по обозначенной теме позволило убедиться, что данное речевое действие в отличие от других разновидностей повтора остается малоизученным. Во всяком случае, в наше поле зрения попали только работы интонологов, очерчивающие специфику их просодической организации, да и то преимущественно в английском языке [1, с. 122]. Имеются также весьма интересные работы, ставящие своей целью показать, что все известные поэтике приемы рифмования возникли именно на основе действий переспроса, так или иначе участвующих в создании перекликающихся по форме компонентов диалогических единств [2, с. 119-134].

Наша цель иная и вытекает из гипотезы, постулирующей, что определенные характеристики переспроса могут соотноситься с гендерной идентичностью говорящего субъекта. В результате, помимо реализации своей основной функции – уточнения правильности услышанного сигнала – переспросы способны еще и участвовать в конструировании гендера. Установление гендерно специфических черт речевых действий переспроса, таким образом, составляет главную задачу настоящего исследования.

Материалом для него послужили записи подлинного общения в четырех культурах (английской, американской, русской и белорусской), состоящие примерно из сорока тысяч слов в каждой из данных культур, а также записи, полученные в ходе длительного наблюдения за подлинным вербальным поведением в названных культурах.

Рассмотрим следующие фрагменты из наших записей.

1. А₁: *А там! Такой писк!*
 Б₁: *Диск?*
 А₂: *Писк, говорю! Пищат котята.*
 Б₂: *А-а!*
 А₃: *Писк!*
 Б₃: *Ну да! И что?*

2. А₁: *Хорошо. Неделя тебе на это.*
 Б₁: *Не делится?*
 А₂: *Что?*
 Б₂: *Ты говоришь, не делится?*
 А₃: *Неделя тебе, грю, ой!*
 Б₃: *А-а!*
 А₄: *На все на это.*
 Б₄: *Мм!*
 А₅: *Вот. На все, на все!*
 Б₅: *Да.*
 А₆: *Да. На все, все, все!*

Как видим, в каждом из приведенных фрагментов содержится переспрос (см. 1Б₁ и 2Б₁, Б₂). Любопытно, что помимо переспросов в них имеются и другие разновидности повторов: разъяснение (1А₂, А₃), подхват (2А₆ – *да*), относящийся к одним из самых эффективных средств объединения реплик в составе диалогического единства, повтор-интенсификация (2А₅, А₆ – *на всё, на всё!*). Последние имеют другие, отличные от переспроса иллокуции и не могут быть использованы для достижения вполне простой и понятной цели – запроса для уточнения формы и смысла услышанной реплики или ее фрагмента. Таковыми в приведенных фрагментах являются только реплики *Диск?* и *Не делится?* Как видим, они действительно рифмуются с предыдущими речевыми действиями и, если следовать логике некоторых работ по рифмике, вполне могут быть основанием для развития определенных форм рифмы.

Гендерная специфика реализации приведенных фрагментов гораздо менее очевидна. Для ее выявления нами был рассмотрен целый ряд показателей, способных раскрыть особенности реализации реплик-переспросов. Прежде всего количественные показатели их встречаемости.

При кажущейся простоте их выявления они, на самом деле, весьма сложны для интерпретации. По нашим данным, переспрос относится к относительно распространенным речевым действиям во всех анализируемых культурах и во всех возрастных группах информантов. Однако само действие переспроса может быть реализовано и в форме других локуций, то есть с помощью других языковых паралингвисти-

Пленарное заседание

ческих единиц по сравнению с теми, которые используются ими в потребовавшей переспроса реплике. В нашем материале таковыми оказались:

- специальные вопросы (*Куда, куда ты положила?*);
- интонационные образования (*мм?*, *hg? э?* и т.п.), представляющие собой минимизированные вокализованные единицы, в которых осуществляется интонация переспроса, и которые регистрируются во всех культурах;
- эксплицитные переспросы, смысл которых однозначно указывает на цель уточнения сказанного (*Як, як?*, *Что ты сказала?*, *What did you say?*);
- формулы вежливости (*Pardon?*);
- молчаливые переспросы, в которых знак переспроса осуществляется с помощью соответствующего выражения лица, глаз, движением бровей, то есть не языковыми средствами;
- смешанные (молчание плюс формула вежливости, молчание плюс специальный вопрос).

Представленные варианты реализации переспроса также имеют своей иллюкуцией уточнение услышанного, однако в отличие от повтора-переспроса они не реализуются в форме, которая совместно с предыдущей репликой другого собеседника могла бы образовать рифмующуюся пару, определенное диалогическое единство, составляющие которого отличаются в той или иной мере выраженным фонетическим созвучием.

Полученные данные о частотности переспросов-повторов целесообразно поэтому соотнести с показателями частотности переспросов в целом. Если за 100% принять сначала количество всех переспросов в каждой культуре, а потом только переспросов-повторов, то получается следующая картина.

Таблица – Относительное количество переспросов в аспекте гендера

Культура	Американская		Английская		Белорусская		Русская	
	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м
Переспрос в целом	57,5	42,5	55	45	52,5	47,5	56,25	43,75
Переспрос-повтор	58,75	41,25	57,5	42,5	55	45	58,75	41,25

Как видно из представленных данных, переспрос как таковой (в меньшей степени) и переспрос-повтор (чуть в большей степени) относятся к гендерно мало различительным признакам по общим показателям своего употребления и могут быть интересны скорее для лингвистики трудноуловимого, незаметного. Вместе с тем, они обращают внимание на упорный характер несколько более высоких показателей встречаемости переспросов в целом и переспросов-повторов в частности в вербальном поведении женщин, что согласуется с выводами многих исследователей о большем внимании женщин к речи, как своей, так и собеседника, о большей их нацеленности на отношения и на относительную дистанцированность и автономию мужчин. Отчасти данный вывод подтверждается количественными показателями адекватного воспроизведения силлабической и акцентной структур переспрашиваемого, уточняемого фрагмента. Так, по нашим данным, в около 20% случаев женские переспросы в точности воспроизводили слоговую и акцентную структуру уточняемого фрагмента (см. 3Б₁).

3. А₁: *Ну и что там порешили?*
 Б₁: *Порешили?*
 А₂: *Поорешили.*
 Б₂: *А-а!*
 А₃: *Ушами слушать надо! Понятно?*

У мужчин соответствующая цифра составляет только 8,75%. Кроме того, еще в 11,25% женских реализаций переспросов сохранилась структура ядерного и заядерного участка воспринимаемого сигнала (у мужчин 7,5%).

Интересны также знаки реагирования собеседников на переспрос. В нашем материале таковыми являются междометия (см. 2А₃) или дисфлуэнтные вставки. Могут также реализовываться комментарии по поводу неточностей восприятия (см. 3А₃) или нечеткости сигнала (то есть самого речевого действия, совершаемого собеседником). По нашим данным, дисфлуэнтные вставки и особенно междометия чаще сопровождают именно женские уточнения с некоторой вариацией показателей в зависимости от культуры, к которой принадлежат коммуниканты. Наивысшие показатели регистрируются у американок, далее русских, затем англичанок и меньше всего белорусок. Комментарии, особенно сниженного характера, в большей степени свойственны мужчинам, причем чаще всего именно в разговоре с женщинами, что согласуется с данными представителей теории сексизма, усматривающими в данной особенности дерогативность или агрессивность мужского вербального поведения.

Пленарное заседание

Представляется правомерным усомниться, что такие реакции являются исключительно знаками желания унижить, указать на свое место. На наш взгляд, они могут быть ответом на неожиданность вербального поведения коммуникантов-женщин, языковую специфику самих переспросов или тех речевых действий, которые потребовали переспроса.

Представляется целесообразным проследить, в каких конкретно случаях возникают переспросы, и какие наименования слышатся коммуникантам в случае неадекватного распознавания речевого сигнала.

Вернемся к приведенным нами фрагментам подлинного общения. Слово «писк» (фрагмент 1) оказалось трудным или неожиданным для собеседника-мужчины. Вместо него ему почудился «диск», явление, скорее, производственной, публичной, не частной сферы. «Не делится» (фрагмент 2), «делить» также можно соотнести с публичным, профессиональным миром, в то время как «перешить» все-таки больше знак частного, домашнего мира.

Рассмотрим еще один пример.

4. А₁: *Кто так сказал-то?*
 Б₁: *Буш!*
 А₂: *Муж?*
 Б₂: *Ты что?! Президент Буш! Главный по стране.*
 А₃: *Ой! Хы, хы!*
 Б₃: *Муж!*
 А₄: *Да! Ха-ха-ха!*

Как видим, в данном фрагменте имя Буш, реалия публичной жизни, не распознается женщиной как таковая (А₂). Ей чудится слово, не просто созвучное имени Буш, но соотносящееся именно с частной сферой, что и вызывает не только речевые действия пояснения, но и комментарии *Ты что?!* (Б₂), пересмешку *Муж!* (Б₄).

Представляется важным отметить, что все информанты, говорение которых составило материал исследования, участвуют в сфере занятости, то есть мужчины и женщины являются профессионалами в своей области, поэтому предположение о значимости занятости женщин только в сфере частной жизни в нашем случае не существенно. Скорее, несмотря на вовлеченность в общественную сферу, коммуниканты-женщины сохраняют приоритеты частного, домашнего мира, и их картина действительности в большей степени маркирована именно его наименованиями.

Кроме общей отнесенности к той или иной сфере значимыми могут быть тематические стратификации слов. Так, женщинам вместо реально употребленных могут чудиться слова, относящиеся к сфере одиночества. В нашем материале зарегистрировано таких случаев немного, но они все женские:

- Homish – lonely?*
Homey – lonely?
Lovely – lonely?
Синеокий – одинокий
И она тада – Одна? Она одна?
Её высочество... – одиночество?
Станюта – адзінота
Во гэта – адзінота
У цэйтноце – ў адзіноце

У мужчин явно более активирована весьма обширная тема, которую можно обозначить взятыми из их переспросов словами победа, сила, измена, обман, атака, захват, капкан, ловушка и т.п. Например:

5. А₁: *Як тая папалушка.*
 Б₁: *Лавушка?*
 6. А₁: *У словаков.*
 Б₁: *Атака?*

Весьма заметной особенностью является тенденция реализовывать переспросы с помощью несколько более сниженной лексики, наблюдаемой в вербальном поведении главным образом мужчин.

7. А₁: *Видишь, сколько нагрузок.*
 Б₁: *На пузо?*
 8. А₁: *А всех обуть-одеть?*
 Б₁: *Обалдеть?*
 А₂: *Одеть! Обуть! Всех! Каково? А?*

Данная тенденция является самой эксплицитной особенностью, отличающей женские и мужские переспросы. В женском говорении таких переспросов случается почти в 6 раз меньше.

Пленарное заседание

Весьма заметны также, однако немногочисленны, случаи переспросов в точке реализации наиболее ярких гендерно дистинктивных языковых средств, а именно редких диминутивных форм и объединений противоположных понятий в одной номинации, например:

9. *Светловато-темный. – Неразъемный?*
10. *Найвялікішанькі – Не зваліўшыся?*
11. А₁: *Вотушки нет!*
 Б₁: *Матушки?*
 А₂: *Вотушки!*
 Б₂: *Мм!*
 А₃: *Вотушки нет, грю.*
 Б₃: *Ну да.*
 А₄: *Да. Нет, грю!*

Обобщая полученные данные, правомерно отметить, что реализация речевых действий переспроса, весьма незаметных единиц языковой деятельности, оказывается вовсе не чуждой гендерной стратификации, наблюдаемой в языке как деятельности в целом. Специалисты в области поэтики, изучая переспрос, пытаются установить особенности и пути дальнейшего развития рифмотворчества. Гендерные исследования переспроса позволяют в очередной раз убедиться в значимости гендерных стратификаций в языке и раскрыть способы конструирования гендера, которые используют говорящие. Кроме того, они позволяют помочь описать языки мужчин и женщин, которые уже активно используются в практике общения, показать, что гендерные упорядоченности в языке – реально существующий феномен, а не умозрительные фантазии, существующие только в трудах ряда парадоксальных исследователей. Проведенное изучение позволило получить результаты, показывающие, что данные стратификации проявляются даже в пределах такой малозначительной, с точки зрения основного содержания текста, периферийной единицы, каковой является речевое действие переспроса. Вместе с тем, несмотря на свою относительную краткость, речевые действия переспроса весьма разнообразны в плане отражения гендерной идентичности создающего их субъекта.

Установленные разновидности отличительных особенностей правомернее описывать не с помощью оппозиции наличие/отсутствие признака, а в терминах тенденций в использовании тех или иных средств. Таковыми, по результатам настоящего исследования, являются следующие:

- предпочтительное использование слов, соотносящихся с частной или публичной, профессиональной сферой;
- разная степень соответствия акцентной структуры переспроса и переспрашиваемого фрагмента;
- локализация переспроса в точках реализации наиболее дистинктивных в гендерном плане языковых средств;
- предпочтение единиц определенного (более сниженного или даже табуированного) уровня;
- выбор единиц, соотносящихся с гендерно характерными темами (одиночества, независимости, победы и т.п.).

ЛИТЕРАТУРА

1. O'Connor, J.D. Better English Pronunciation/J.D. O'Connor. – Cambridge University Press, 2004.
2. Шер, Ш. Девичья фамилия рифмы/Ш. Шер//Проблемы фонетики. Отв.ред. Л.Л. Касаткин. – М.: РАН, 1995.

С.У. Калядка

ГЕНДАРНЫЯ АСПЕКТЫ ЭМАТЫЎНАСЦІ ПАЭТЫЧНАГА ТВОРА

Эмоцыя не павінна быць аднолькавай ва ўсіх аўтараў і не павінна мець узуальнай замацаванасці. Яна пашырае асацыятыўныя сувязі слоў у тэксе, надаючы ім пэўную эматыўную валентнасць.

Эматыўная валентнасць паэтычнага вобраза – гэта яго семантычная здольнасць мець розныя эмацыянальныя характарыстыкі (план зместу) і схільнасць да рэцэптыўнага прачытання гэтых характарыстык рознымі чытачамі з рознымі эмацыянальнымі ўстаноўкамі (план выражэння), за кошт чаго вобраз набывае эмацыянальныя другасныя значэнні, сэнсавыя насаенні і г.д. Да прыкладу, звернемся да верша Яўгені Янішчыц «***Вось і гэты бальшак прамільгне», у якім прыродныя карціны і з'явы маляваліся ў самых разнастайных праяўленнях.